

Маяк

Искренность существует

Искренность Существует

Маяк

«Автор»

2026

Существует И.

Маяк / И. Существует — «Автор», 2026

Двадцать лет назад кое-что осталось несделанным. Настолько незначительное, что о нём можно было спокойно забыть. По крайней мере, так казалось.

© Существует И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Искренность Существует Маяк

Маяк

Искренность

2026

Оглавление

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Эпилог

Глава 1

Третья командировка в этом месяце началась с документов.

Я открыл ноутбук почти сразу после того, как электричка тронулась, хотя мог бы просто смотреть в окно. Впрочем, смотреть там было особенно не на что. За стеклом уже стемнело. Снег то возникал в свете фонарей, то исчезал, и от этого казалось, будто он не падает непрерывно, а существует только короткими вспышками.

На экране была таблица с расходами воздуха. Я сверял её с планами этажей, которые заказчик прислал утром, и время от времени возвращался к письму с замечаниями. Замечаний было немного, но почти каждое начиналось одинаково: «Просим дополнительно предусмотреть...».

Поезд шёл ровно. Иногда вагон чуть покачивало, и тогда курсор на экране словно сам собой съезжал с нужной строчки. Я возвращал его назад и продолжал считать.

Через проход мужчина лет пятидесяти спал, положив руки на живот. Его шапка лежала на соседнем кресле. На каждой станции он просыпался, открывал глаза, несколько секунд смотрел перед собой, проверяя не приехал ли, и снова засыпал.

Лампы под потолком светили слишком белым светом. Одна из них, чуть впереди, иногда едва заметно моргала. Не настолько, чтобы раздражать, но достаточно, чтобы каждый раз глаз цеплялся за эту короткую перемену.

Я несколько раз ловил себя на том, что смотрю не в таблицу, а на её отражение в чёрном окне. Потом снова опускал взгляд.

В проектах кондиционирования есть что-то успокаивающее. Воздух всегда можно посчитать. Сколько его требуется подать в помещение, сколько удалить, какой должна быть температура, сколько человек будет внутри, сколько тепла необходимо выделить на окна, оборудование, освещение. Даже человек в расчёте превращается в понятную величину. Один человек – столько-то ватт явного тепла, столько-то скрытого. Десять человек – умножить на десять.

Если данных достаточно, почти всё можно привести к цифрам. С людьми вне таблиц это не работает.

Я дошёл до четвёртого этажа, когда по проходу раздался скрип. Сначала тихий, почти незаметный. Потом ближе. Скрип – пауза – ещё один скрип. Я поднял глаза.

По вагону медленно двигалась тележка со снеками. На ней стояли пластиковые стаканчики, бутылки с водой, какие-то шоколадки, орешки, печенье и маленький металлический термос. Девушка, толкавшая тележку, время от времени придерживала одну из дверей, которая дребезжала на стыках рельсов.

– Чай, кофе, вода, снеки, – говорила она негромко.

Не столько предлагала, сколько сообщала о существовании всего этого. Я снова посмотрел на экран. Оставалось проверить ещё два этажа. В правом верхнем углу значок аккумулятора был почти пустой, а поблизости не было розеток.

Тележка в этот момент как раз поравнялась со мной.

– Девушка, не подскажете, где здесь можно ноутбук зарядить?

Она остановилась.

– В вагоне-ресторане розетки есть.

– Далеко?

Она посмотрела куда-то вперед, будто мысленно пересчитала вагоны.

– Через четыре вагона.

Я кивнул.

– Спасибо.

Она уже собиралась двигаться дальше, когда я посмотрел на экран.

Два процента.

Я мог встать, взять ноутбук, документы, зарядку, пройти четыре вагона, найти место и закончить всё там. Вместо этого я спросил:

– Кофе горячий?

– Горячий.

– Тогда кофе.

Она достала стаканчик, подставила под носик термоса и нажала на кнопку. Тележка снова скрипнула, хотя стояла на месте.

На экране ноутбука появилось предупреждение о низком уровне заряда. Я нажал «Сохранить». Пока наливался кофе, успел проверить ещё одну цифру и экран погас. Я машинально нажал кнопку включения, подождал секунду и только потом понял, что это бессмысленно.

– Сахар?

– Нет.

Она протянула мне стаканчик. Я взял его обеими руками. Картон сразу отдал тепло в ладони.

– Осторожно, крышка не очень плотно держится.

– Спасибо.

Она толкнула тележку дальше. Скрип. Пауза. Скрип.

Я ещё несколько секунд смотрел на чёрный экран ноутбука. В нём отражались лампы вагона и моё лицо. Потом закрыл крышку, убрал зарядку в сумку и поставил ноутбук на соседнее кресло.

Можно было пойти в вагон-ресторан. Я даже посмотрел в ту сторону, но не хотелось вставать. До станции оставалось больше часа. Документы никуда не денутся. В отеле будет розетка. Утром тоже будет время.

Я сделал глоток и обжёг язык. Кофе был посредственный, слишком горячий и чуть горчил. Но после нескольких часов за экраном это показалось почти приятным.

За окном ничего не изменилось. Тёмное стекло, снег и фонари.

Электричка шла вдоль каких-то складов. На секунду возникала освещённая территория, контейнеры, забор, припорошенные снегом машины, потом всё снова проваливалось в темноту. Дальше потянулись редкие дома. Некоторые окна светились жёлтым, некоторые синим от телевизоров. В одном дворе горела гирлянда, обмотанная вокруг маленькой ели. Я смотрел на всё это без особого интереса.

Фонарные столбы стояли вдоль путей через примерно одинаковые промежутки. Каждый на несколько мгновений освещал снег вокруг себя и пропадал. Снежинки резко становились видны – сотни белых точек, летящих наискось. Потом фонарь оставался позади, и они исчезали. Я поймал этот ритм и стал ждать каждого нового столба.

В вагоне было тепло. От мокрой обуви и зимней одежды пахло чем-то знакомым, почти домашним. Кто-то открыл пакет с орешками. Мужчина напротив снова проснулся на очередной станции и посмотрел на табло.

Я отпил ещё кофе. По стеклу поползла тонкая капля конденсата. Снаружи начался лес.

Сначала между деревьями ещё мелькали дома, потом исчезли и они. Теперь фонари попадались реже. В промежутках окно становилось почти полностью чёрным, и я видел в нём салон вагона лучше, чем то, что находилось снаружи.

Я подумал, что стоило всё-таки дойти до ресторана. До приезда можно было бы закончить половину работы и завтра не сидеть вечером в номере. Мысль была очень привычной.

Электричка немного замедлилась. За деревьями показалось что-то светлое. Я сначала решил, что это ещё одна станция. Но свет был выше. На мгновение деревья расступились. Вдалеке, за тёмной полосой леса, стоял маяк. Я увидел его всего на несколько секунд.

Узкая башня на возвышенности и свет наверху, который медленно проходил по низкому небу. Из-за снега расстояние определить было невозможно. Может быть, он находился совсем рядом. Может быть, в нескольких километрах.

Деревья снова закрыли маяк. Я повернул голову, пытаюсь увидеть его ещё раз между стволами. Ничего, только снег.

Электричка снова набрала скорость. Я продолжал смотреть туда, где он исчез. И только через несколько секунд понял, что держу стакан возле рта, но не пью. Маяк. Слово пришло раньше воспоминаний.

Потом – летний свет. Совсем другой. Не снег, не тёмное окно электрички, не белые лампы над головой. Жаркий день. Открытое окно. Бумаги на столе шевелятся от воздуха. Ты стоишь возле моего стола. Тогда мы ещё работали вместе.

Я очень хорошо помню, что у тебя в руке была пластиковая бутылка воды с оторванной этикеткой. Ты крутила её за крышку и ждала, пока я оторвусь от экрана.

– Там маяк есть, – сказала ты.

– Где?

– Здесь. На утёсе. Я посмотрела, туда можно пешком пойти.

Я что-то печатал и поэтому ответил не сразу.

– Далеко?

– Не знаю. Часа два, наверное.

– Пешком?

– Ну да.

Я наконец посмотрел на тебя.

Ты улыбалась так, будто уже всё решила за нас обоих и сказала:

– Давай завтра ходим.

Я снова посмотрел в монитор.

На экране был какой-то проект. Сейчас я уже не вспомню какой.

– Завтра не получится. Мне надо закончить проект.

– Вечером?

– Посмотрим.

– Ты всегда говоришь «посмотрим».

Кажется, ты ещё что-то сказала. Или это я теперь добавил эту фразу сам. Помню только, что в конце ответил:

– Потом обязательно ходим.

В электричке снова моргнула лампа. Воспоминание исчезло так же быстро, как маяк за деревьями. Я сделал глоток. Кофе уже можно было пить. На соседнем кресле лежал закрытый ноутбук. Я посмотрел на него, потом снова в окно. Там опять были только фонари и снег. Маяк больше не появлялся.

Глава 2

К станции электричка подошла почти без опоздания. Пока я складывал ноутбук и документы в сумку, большинство пассажиров уже стояли в проходе, натягивали шапки и застёгивали куртки. Мужчина напротив, который проспал почти всю дорогу, проснулся окончательно только после объявления остановки и некоторое время растерянно смотрел на пустое кресло рядом, пока не схватил лежавшую там шапку.

На платформе было заметно холоднее, чем я ожидал. Снег шёл мелкий, сухой и почти горизонтальный, а под фонарями казался плотнее, чем из окна электрички. Я остановился под навесом, застегнул куртку до конца и достал телефон. До гостиницы было около пятнадцати минут на машине.

Такси приехало быстро. Водитель молча убрал мою сумку в багажник, я сел назад и назвал гостиницу, хотя адрес уже был указан в приложении. Он кивнул так, будто слышал это название десятки раз за день.

Город за окном выглядел небольшим и весь уже спал. Мы проехали несколько пятиэтажек, пустой торговый центр, площадь с невысокой ёлкой, украшенной гирляндами, которые мигали не одновременно, а отдельными кусками. На перекрёстках снег лежал серыми полосами, по краям дороги его уже успели собрать в невысокие горки. Иногда попадались старые деревянные дома с резными наличниками на окнах и заснеженными крышами, потом снова начинались обычные многоэтажки.

Я несколько раз пытался понять, с какой стороны остался маяк, но после электрички совсем потерял направление. Открывать карту ради этого не хотелось. Всё равно завтра утром нужно будет поехать на встречу, а вечером, скорее всего, снова работать.

Гостиница оказалась четырёхэтажным зданием с широким козырьком над входом. Над дверью светила вывеска, в которой одна буква была чуть тусклее остальных.

Внутри было очень тепло и первое, что я почувствовал, был запах дерева. Не свежих досок и не мебели из магазина, а старого сухого дерева, которое много лет протирали одним и тем же средством. Стойка регистрации была отделана тёмными панелями, местами затёртыми до более светлого оттенка. За ней висели часы, а рядом стояла маленькая искусственная ёлка с красными шарами.

На полу лежал ковролин с мелким геометрическим рисунком. По центру он был заметно стоптан, особенно возле стойки и лифта, но пятен почти не было. По нему сразу было видно, что его не меняли очень давно и при этом регулярно чистили.

Лампы в холле давали слишком тёплый жёлтый свет. Одна висела прямо над креслами и изредка тихо щёлкала, будто внутри остывал металл. После холодного света в электричке этот жёлтый казался почти домашним, хотя всё вокруг выглядело немного старше, чем должно было.

Девушка на стойке нашла мою бронь, попросила паспорт и протянула небольшую карточку с номером комнаты.

– Завтрак с семи до десяти, на втором этаже. Вайфай без пароля. Если будет холодно, скажите, дадим обогреватель.

Я оглянулся на батарею возле окна, от которой шёл такой жар, что стекло над ней слегка запотело.

– Мне кажется, холодно не будет.

Она улыбнулась.

– Обычно нет.

Лифт оказался маленьким, с зеркалом во всю заднюю стенку и металлической панелью кнопок, на которой цифры давно потускнели. Пока он поднимался, где-то сверху негромко загудел мотор. На третьем этаже двери разошлись не сразу, а после короткой паузы, словно лифт ещё раз подумал, действительно ли приехал.

Коридор был пустой, тот же ковролин тянулся до самого окна в конце, стены были окрашены в спокойный бежевый цвет, а возле каждого номера горела небольшая лампа под матовым плафоном. Свет от них не доходил до потолка, поэтому коридор казался ниже и уже, чем был на самом деле.

Моя комната находилась почти в самом конце. Внутри всё оказалось примерно таким, каким я успел представить по дороге. Большая кровать, деревянный стол, два кресла, телевизор на тумбе, плотные шторы. Ничего плохого, но всё будто задержалось здесь лет на пятнадцать дольше положенного. Даже телефон возле кровати был проводной, с крупными кнопками и выцветшими подписями.

Я поставил сумку на пол и первым делом нашёл розетку возле стола. Ноутбук включился после нескольких минут зарядки. Пока он загружался, я снял куртку, открыл шторы и подошёл к окну. Снаружи виднелись крыши, редкие фонари и снег. Дальше всё растворялось в темноте.

Маяка видно не было. Я ещё немного постоял у окна, хотя не мог объяснить зачем, потом вернулся к столу.

В комнате было слишком тепло. Я автоматически посмотрел на вентиляционную решётку над дверью, прислушался и различил ровный шум воздуха. Решётка была установлена чуть криво, один край заметно уходил вниз. Я подумал, что при такой подаче в комнате и не могло быть холодно, потом поймал себя на этом и усмехнулся. Человек может уехать за тысячу километров, заселиться поздно вечером в незнакомую гостиницу и всё равно первым делом начать оценивать вентиляцию.

Я открыл документы и через полчаса комната перестала быть незнакомой. На столе появились зарядка, распечатанные планы, ручка и телефон. Куртка висела на спинке кресла, ботинки стояли у двери. Я выключил верхний свет и оставил только настольную лампу. Она светила ещё теплее, чем лампы в коридоре, и от этого за окном снег казался особенно холодным.

Работал я до половины первого. На завтра была назначена встреча на объекте, нужно было проверить несколько помещений, сделать замеры и окончательно согласовать расположение оборудования. Ничего сложного. Я заранее был уверен, что заказчик найдёт десяток причин спорить, поэтому хотел прийти подготовленным.

Перед сном я ещё раз подошёл к окну. Снег усилился, дальних домов почти не было видно. На стекле отражалась кровать и жёлтая лампа возле неё. Я провёл ладонью по холодному участку окна, посмотрел несколько секунд наружу и задёрнул шторы.

Утром город через окно номера казался совсем другим. Ночью снег почти полностью скрыл края дорог. Крыши стали одинаково белыми, а машины во дворе стояли под мягкими округлыми шапками. Небо было низким, почти чёрным от тяжёлых туч, поэтому даже утром казалось, что день ещё толком не начался. Я позавтракал в гостинице, выпил кофе из большой белой чашки и уехал на встречу.

Рабочий день прошёл быстрее, чем я рассчитывал. Объект был небольшой, доступ дали везде сразу, замеры совпадали с планами, а человек со стороны заказчика оказался редким типом клиента, который действительно слушал объяснения и не пытался спорить ради самого спора. К обеду мы прошли почти всё, что я рассчитывал закончить только к следующему вечеру.

– Если сегодня успеем последний этаж, завтра останутся только ваши схемы, – сказал он, когда мы спускались по лестнице.

– Схемы я вечером доделаю.

– Тогда вообще отлично.

Я посмотрел на него, ожидая продолжения, но его не было.

Обычно после слов «тогда отлично» появлялось «только ещё один момент». Здесь момент не появился.

К пяти часам я уже ехал обратно в гостиницу. Снег продолжал идти. Он не был сильным, но ветер заметно прибавился, и на открытых участках дороги белая пыль тянулась низко над асфальтом. В машине пахло ароматизатором с запахом хвои. Водитель слушал местное радио так тихо, что я различал только отдельные слова.

Я смотрел в окно и снова думал о маяке. Не о тебе, не о том разговоре двадцатилетней давности, а именно о маяке. Я пытался вспомнить, насколько далеко он находился от города и с какой стороны должен быть виден. В памяти всё было слишком приблизительным: жаркий день, твоя бутылка воды, окно, за которым тогда было солнце, и фраза про два часа пешком.

Я достал телефон, но карту не открыл. Ещё утром мне казалось, что вчерашнее воспоминание исчезнет само собой, как большинство случайных мыслей. Обычно так и происходило. Что-нибудь цеплялось за взгляд, напоминало о прошлом, несколько минут крутилось в голове, а потом уступало место письмам, звонкам и обычным делам. С маяком не вышло.

Возле гостиницы я задержался у входа, чтобы стряхнуть снег с плеч. Сквозь стеклянные двери был виден тот же жёлтый холл, кресла, стойка и лампа, которая всё так же иногда щёлкала.

Внутри меня встретил знакомый запах. За стойкой сидела уже другая женщина и что-то записывала в журнал. Я поздоровался, поднялся на лифте и пошёл по коридору.

У двери номера возникло ощущение, будто я возвращаюсь не в гостиницу, а домой после работы. На секунду оно показалось смешным. Я провёл здесь меньше суток, но комната уже выглядела знакомой: слишком тёплый воздух, жёлтая лампа, ноутбук на столе, куртка на кресле.

Я снял ботинки, поставил чайник и почти сразу открыл ноутбук. До ужина решил закончить схемы, потом проверить расчёты и отправить всё заказчику. Если сегодняшний темп сохранится, командировка могла закончиться раньше, чем планировалось.

За окном постепенно темнело. Я работал, не включая верхний свет. Настольной лампы хватало, а от экрана на руках лежал холодный голубоватый оттенок. Иногда я откидывался на спинку кресла, закрывал глаза на несколько секунд и слышал тихое гудение вентиляции. Где-то в коридоре проезжала тележка уборщицы, один раз хлопнула дверь лифта.

В девятом часу я закончил схему первого этажа и потянулся за чашкой. Кофе давно остыл.

Я встал, чтобы налить воды, и случайно посмотрел в окно. Сначала мне показалось, что среди крыш мигает сигнальная лампа на какой-то вышке. Я подошёл поближе к окну. Далеко, почти на самом краю видимого пространства, над тёмной полосой домов и деревьев на несколько секунд появился свет. Я замер у окна. Через некоторое время он появился снова, медленно прошёл по низкому небу и пропал за стеной снегопада. Это был маяк.

Из комнаты была видна только верхушка. Самой башни я почти не различал, но сомнений не осталось. Свет двигался слишком ровно и слишком медленно. Я поставил чашку на подоконник и продолжил смотреть.

Луч появлялся через одинаковые промежутки. Каждый раз я заранее знал, где именно он возникнет, и всё равно ждал.

Внизу кто-то вышел из гостиницы, открыл зонт и почти сразу закрыл его из-за ветра. По дороге проехала машина, фары на мгновение осветили сугробы. В соседнем доме погасло одно из окон.

Маяк снова дал свет. Я подумал о том, что двадцать лет назад видел его, наверное, совсем иначе. Тогда он был просто местом, куда ты хотела сходить. Одним пунктом среди десятка вещей, которые можно было сделать завтра, через неделю или когда-нибудь потом.

Теперь между мной и этим местом были крыши, снег и двадцать лет.

Я вернулся к столу, но не сразу сел. На экране оставалась открытая схема, курсор мигал возле подписи воздуховода. Нужно было закончить ещё несколько листов, и ничего сложного в этом не было.

Я сел и продолжил работу. Через несколько минут снова поднял глаза к окну. Маяка уже не было видно за плотной пеленой снега.

Глава 3

Утром снег почти прекратился. Он всё ещё висел в воздухе редкой белой пылью, но небо стало светлее, и из окна номера снова были видны дальние крыши, вчера вечером исчезнувшие за плотной пеленой. Я первым делом посмотрел туда, где ночью появлялся маяк. Днём его видно не было. Возможно, мешал рельеф, возможно, башня просто терялась среди серого неба и такого же серого горизонта. Несколько секунд я продолжал искать взглядом знакомую точку, потом отошёл от окна и начал собираться.

На объект приехал раньше назначенного времени. Вчера мы успели почти всё, и сегодня оставалось проверить несколько помещений, повторить два замера и окончательно пройтись по решениям с заказчиком. Я заранее приготовился к обычному разговору, в котором каждая согласованная вещь внезапно порождает ещё три вопроса, но и второй день оказался неожиданно простым. Двери открыли сразу, рулетка нигде не понадобилась дважды, а на схеме не нашлось ничего, за что хотелось бы спорить. Даже место под наружные блоки, которое обычно вызывает отдельную дискуссию, заказчика устроило с первого раза.

К полудню мы уже сидели в небольшом кабинете у окна и ещё раз просматривали планы. Человек напротив листал распечатки, иногда задерживался на отдельных листах, но каждый раз только кивал. Я ждал, когда он наконец скажет своё «да, всё хорошо, только...», однако этого «только» снова не последовало. В какой-то момент он закрыл папку и положил ладонь сверху.

– Ну что, проект наша сторона одобряет. Если у вас больше вопросов нет, то будем ждать от вас сроки монтажа.

– Благодарю, тогда по срокам подскажу, когда загрузим производство.

– Если что-то ещё всплывёт, я позвоню.

Я посмотрел на закрытую папку и зачем-то ещё раз пролистал свои записи. В графике на эту командировку было заложено четыре полных рабочих дня. Фактически понадобилось два. Такое случалось редко, и обычно я радовался: можно было раньше вернуться, перенести билет, заехать в офис или спокойно закончить документацию дома. Но билет на этот раз был невозвратный по корпоративному тарифу, а менять его через бухгалтерию ради двух дней не хотелось уже от одной мысли о переписке.

На улице ветер заметно усилился. Пока я стоял под козырьком и ждал машину, мелкий снег начал идти сильнее, цеплялся за рукава и мгновенно таял на перчатках. Телефон показывал чуть больше двух часов дня. Проект оставалось собрать и отправить, командировка закончилась. До обратного поезда оставалось два с лишним дня.

Приехало такси, водителя я узнал и поздоровался, он забирал меня со станции в первый день. В ответ он тоже поздоровался, но я не понял: узнал он меня или просто из вежливости.

В такси я несколько раз открывал рабочую почту, но отвечать было почти не на что. Письма, которые утром казались срочными, спокойно могли подождать до вечера. Я закрыл приложение и посмотрел в окно. Город днём выглядел ещё меньше, чем ночью: те же невысокие дома, редкие магазины, пустые дворы, остановки с прозрачными стенками. Ветер гонял по дороге тонкий слой снега, и на перекрёстках он собирался небольшими белыми волнами. Маяк отсюда не был виден, хотя я уже примерно понимал, в какой стороне его искать.

До гостиницы оставалось несколько кварталов, когда снег резко усилился. Ещё минуту назад сквозь окно были хорошо видны дома на другой стороне улицы, а потом воздух словно наполнили мелкой белой мукой. Водитель сбросил скорость и включил дворники посильнее. Я попросил высадить меня возле небольшого магазина на углу, решив, что заодно куплю воды и что-нибудь к ужину, а снегопад, может быть, успеет ослабнуть.

Магазин оказался из тех, где продаётся всего понемногу. У входа стояла стойка с открытками и сувенирами, дальше начинались обычные ряды с продуктами, бытовой химией и дешёвой посудой. Возле кассы висели брелоки с названием города, деревянные ложки, несколько кружек и магниты. Я прошёл мимо них, взял воду, пачку печенья, кофе в жестяной банке и уже собирался идти к кассе, когда взгляд зацепился за знакомый силуэт.

На одном из магнитов был изображён маяк. Фотография выглядела летней: голубое небо, зелёная трава, светлая башня на краю высокого берега. Ни снега, ни ветра, ни тёмных деревьев, среди которых я увидел его из электрички. На картинке он вообще казался обычным туристическим местом, куда можно прийти в футболке, постоять десять минут, сделать фотографию и вернуться обратно.

Я снял магнит с крючка. Он был дешёвый, из тонкого пластика, с немного выцветшими краями. Под фотографией мелкими буквами было написано название города. Я положил его поверх покупок, хотя покупать сувениры из командировок давно перестал. Когда-то я привозил кружки, брелоки, маленькие фигурки, потом их накопилось столько, что они начали казаться не памятью о поездках, а доказательством того, сколько времени я провёл вне дома.

За кассой сидел мужчина примерно моего возраста или немного старше. Он посмотрел на мои покупки, пробил воду, кофе, печенье, а когда взял магнит, задержал его в руке.

– Турист? – спросил он.

– По работе приехал.

– А-а. Я думал, к маяку собрались.

Я посмотрел на магнит.

– А туда вообще ходят?

Мужчина пожал плечами и провёл товар по сканеру.

– Сейчас не знаю. Летом, может, кто и ходит. Раньше постоянно лазали.

– А наверх можно подняться?

Он усмехнулся, будто вопрос напомнил ему что-то давнее.

– Раньше можно было. Мы пацанами туда бегали. Дверь тогда внутрь почти никогда не закрывали, а потом вроде закрыли всё. Хотя не скажу точно, я сам лет двадцать там не был.

Фраза прозвучала буднично, и я просто кивнул. Мужчина сложил покупки в пакет, а я продолжал смотреть на магнит.

– А зачем он сейчас? Корабли здесь ходят?

– Раньше много было. Сейчас почти никто не ходит, по крайней мере я не вижу. Может, для чего-то и нужен. Такие вещи пока сами не разрушатся, их обычно не трогают.

Он положил магнит в пакет и назвал сумму. Я приложил телефон к терминалу, забрал покупки и отошёл к стеклянной двери. На улице снег всё ещё шёл стеной. Несколько человек стояли под козырьком, явно ожидая, когда снегопад утихнет, хотя по небу не было похоже, что это случится скоро.

Я тоже остался внутри. Поставил пакет у ног и смотрел через стекло на улицу. С этой стороны снег снова казался красивым. Он летел навстречу витрине и исчезал в свете вывески, машины двигались медленно, их фары расплывались в белом воздухе. В магазине было тепло, над головой ровно гудели лампы, где-то возле холодильников тихо работал компрессор. Стоило открыть дверь, и ветер сразу бросал внутрь несколько снежинок, которые таяли на тёмном коврике.

Лет двадцать не был.

Я повторил эту фразу про себя и вдруг понял, почему она зацепила. Для продавца это означало просто давно. Для меня эти двадцать лет сразу сложились в слишком конкретный промежуток: от того жаркого дня, когда ты стояла возле моего стола с бутылкой воды, до вчерашнего вечера, когда свет маяка снова появился за окном гостиницы.

Я достал магнит из пакета. Фотография была не очень удачной. Башня стояла почти по центру, вокруг неё слишком яркая зелень, а внизу кто-то оставил часть туристического снаряжения. Если бы я увидел такой сувенир в другом городе, даже не посмотрел бы второй раз.

– А пешком туда далеко? – спросил я, обернувшись к кассе.

Мужчина задумался.

– Смотри откуда. Отсюда прилично. На машине можно подъехать до пешей тропы, а потом всё равно ногами. Летом часа два, наверное. Зимой не знаю, тропу замечает.

Я кивнул и убрал магнит в карман куртки. Вопросы прозвучали так, будто я действительно собирался идти, хотя ещё минуту назад такой мысли у меня не было. Я даже почувствовал лёгкое раздражение от необходимости внутренне объяснить самому себе, зачем вообще спросил.

Снег немного ослаб только минут через двадцать. Я вышел, поднял воротник и пошёл к гостинице пешком. До неё оставалось меньше километра. Ветер дул навстречу, снег сразу начал липнуть к волосам и ресницам, а тёплый магазин через несколько шагов остался позади и превратился в ещё одно жёлтое окно среди белой улицы.

Пакет неприятно бил по ноге. В кармане лежал магнит, и я чувствовал его жёсткий край через ткань куртки. Несколько раз возникало желание переложить его в пакет, но я не сделал этого.

Когда вошёл в гостиницу, очки мгновенно запотели. Я остановился возле двери, снял их и несколько секунд стоял почти вслепую, пока вокруг оставались только большие размытые пятна тёплого света. Лампа над креслами снова тихо щёлкнула. Администратор подняла голову, поздоровалась и сказала, что к вечеру обещают ещё более сильный снег.

– Надолго? – спросил я, протирая стёкла краем свитера.

– До утра точно. По радио предупреждали, ветер тоже усилится.

Я посмотрел через двери на улицу. За стеклом фонари уже начали растворяться в снегу.

– Хорошо хоть завтра никуда не надо.

– Отдыхать будете?

Я хотел ответить, что работать, и даже почти произнёс это, но сказал:

– Посмотрим.

В лифте я вспомнил этот ответ и усмехнулся. За последние двадцать лет слово не стало лучше.

В номере было всё так же тепло. Я включил настольную лампу, снял куртку и выложил покупки на стол. Магнит остался последним. Несколько секунд я держал его в руке, потом прикрепил к металлической стойке маленького гостиничного холодильника. Он держался плохо и сначала сполз на пару сантиметров, но потом остановился.

На летней фотографии маяк выглядел совсем не так, как в моей памяти. Я подошёл к окну и отодвинул штору. Снегопад снова набирал силу, дальние дома почти исчезли, и там, где вчера появлялся луч, теперь была только белая темнота.

Я вернулся к столу, открыл ноутбук и начал собирать окончательный проект. Работы оставалось на несколько часов. Если всё закончить сегодня, завтра можно будет отдохнуть.

Через некоторое время я поднял глаза от экрана. На холодильнике, в круге тёплого света от лампы, висел маленький летний маяк.

Я посмотрел на него чуть дольше, чем собирался, и снова вернулся к работе.

Глава 4

Работа за ноутбуком продвигалась быстрее, чем я опять же рассчитывал. Возможно, потому что за два дня на объекте не накопилось ни одного спорного вопроса, который пришлось бы потом раскладывать по письмам и согласованиям. Я перенёс последние размеры на схему, проверил оборудование, ещё раз прошёлся по таблице и отправил заказчику короткое письмо с итоговыми файлами. Оставалось только дожидаться ответа, но вряд ли он мог прийти раньше утра.

Я закрыл почту и впервые за весь день заметил, насколько тихо стало в номере. Вентиляция всё так же ровно гудела над дверью, из коридора почти не доносилось и звука, а за окном снег продолжал густеть. Дальние дома уже исчезли окончательно, фонари растворялись через несколько десятков метров, и только иногда по белой пелене проходил свет машины. Магнит на холодильнике находился чуть в стороне от настольной лампы, но маяк на нём всё равно был хорошо виден.

Я посмотрел на телефон. Было немного за десять. До обратного поезда оставалось два дня, а все дела, ради которых я приехал, фактически закончились. Можно было завтра выспаться, днём пройтись по городу, вечером посмотреть какой-нибудь фильм или просто ничего не делать.

Я взял телефон и открыл карты. Сначала просто уменьшил масштаб, чтобы найти берег и понять, где вообще находится маяк относительно гостиницы. Он оказался дальше, чем казалось из окна. Пеший маршрут приложение построило почти сразу: три часа с небольшим, сначала через город, потом вдоль дороги и дальше по какой-то тонкой линии, уходившей через лес. Я приблизил карту. До конца нормальной дороги можно было доехать на машине, а после неё оставалось чуть меньше двух часов пешком.

На летней фотографии из магазина путь выглядел вполне обычным. Наверное, в июле там действительно можно было выйти утром, взять воды и спокойно дойти. Сейчас за стеклом нельзя было разглядеть противоположную сторону улицы. Я переключил карту в спутниковый режим, посмотрел на лес, на изгиб старой дороги и на маленькую отметку маяка у края воды, после чего закрыл приложение. Даже мысль о том, чтобы идти туда ночью, казалась настолько нелепой, что серьёзно её рассматривать не хотелось. Через минуту я снова открыл карту и на этот раз посмотрел, насколько близко можно подъехать на машине. Навигатор предлагал дорогу, которая заканчивалась примерно в восьми километрах от маяка. Дальше шла только пешеходная тропа. Я нажал на точку возле конца дороги, потом на маяк, посмотрел расстояние и снова закрыл телефон. Получалось не так уж далеко. По крайней мере на экране.

Я усмехнулся и вернулся к ноутбуку, хотя работать уже было не над чем. Открыл отправленный проект, проверил пару листов, исправил подпись, которую никто бы, скорее всего, не заметил, и отправил файл ещё раз. Потом открыл рабочий мессенджер. Новых сообщений не было. Я некоторое время листал старые переписки, пока не поймал себя на том, что просто ищу повод не вставать из-за стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.